
А. В. ЧИРКОВА

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПАПСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ В РОССИИ (XIX–XX вв.)*

Значение документов папской канцелярии для развития исторического источниковедения сложно переоценить. В самой канцелярии регулярно проводилась экспертиза папских грамот, вызвавших сомнение у получателей. В связи с этим внешнему облику грамот при их составлении уделялось усиленное внимание. Начиная с середины XI в. в Апостольской канцелярии разрабатывалась, а к концу XII в. окончательно сложилась довольно сложная система приемов, обеспечивавших защиту документов от подделки: до мельчайших деталей были продуманы язык документа, формуляр, внешние характеристики оформления. Сохранившиеся средневековые правила составления документов, написанные для канцелярских писцов и нотариев (*Ars dictaminis*), в некотором роде можно считать предшественниками пособий по дипломатике, а проводившуюся с их помощью экспертизу — прообразом внешней критики исторического источника.

Возведенная в систему регулярность внешнего оформления грамот наравне с большим числом сохранившихся документов Апостольской канцелярии и важностью удостоверяемых ими прав привели к тому, что папские акты вместе с императорскими и королевскими дипломами оказались в XVII в. в центре внимания нарождающегося источниковедения. В программном труде бенедиктинца Жана Мабильона, от которого традиционно ведут свое начало такие вспомогательные исторические дисциплины, как дипломатика и латинская палеография, папским грамотам посвящен отдельный раздел¹. В ходе дальнейшего развития дисциплины

* Исследование выполнено на средства стипендии Фонда Герды Хенкель AZ 02/SR/06.

¹ De re diplomatica libri VI... Opera et studio Domni Johannis Mabillon. Editio secunda ab ipso auctore recognita, emendata et aucta: Luteciae Parisiorum, 1709. Liber V : Specimina chartarum ecclesiasticarum. P. 436–447.

ни один крупный справочник по средневековой дипломатике не обходит вниманием папские грамоты и организацию делопроизводства при Римской курии². Естественно, что и отечественное источниковедение в процессе своего становления не могло пройти мимо такого вида исторического источника.

Опыты источниковедческого обращения к документам Апостольской канцелярии на русской почве можно — пусть и несколько условно — подразделить на три направления:

- коллекционирование и собирательство папских грамот как предмета старины или памятников истории письменности;
- выявление и публикация памятников этого рода в иностранных архивах в целях подборки материала для исторических исследований по истории России и сопредельных с ней регионов;
- изучение папских грамот, тем или иным образом отложившихся в отечественных архивах и библиотеках.

За исключением отдельных единичных покупок, когда решающее значение могла иметь древность документа и наличие в нем автографов, частный коллекционерский интерес к западноевропейским актам был связан с определенными познаниями русских собирателей в области дипломатики, палеографии и истории институтов. Таковы коллекции П. П. Дубровского (1754–1816), П. К. Сухтелена (1751–1836) и А. Я. Лобавнова-Ростовского (1788–1866) в ОР РНБ, П. И. Щукина (1853–1912) в ОПИ ГИМ и Н. П. Лихачева (1862–1936) в СПбИИ РАН. Отметим также собрания созданной в 1837 г. Императорской Археографической комиссии и основанного в 1877 г. Общества любителей древней письменности, в которых также отложились отдельные западноевропейские документы, в том числе папские грамоты. Приобретение подлинных памятников прошлого и передача их в публичные собрания имели своей целью их возможное изучение в будущем и, в конечном счете, были продиктованы заботой о развитии отечественной науки. В этом смысле коллекционирование западноевропейских памятников русскими собирателями с полным правом может считаться определенным этапом в развитии отечественного источниковедения.

² См.: *Nouveau traité de diplomatique... avec des éclaircissemens...* par deux religieux Bénédictins de la Congrégation de S. Maur. Paris, 1765. Т. V. P. 82–307; см. классические труды, не утратившие своей актуальности: *Giry A. Manuel de diplomatique*. Paris, 1894. [Repr. Genève, 1975]; *Paoli C. Programma scolastico di paleografia Latina e di diplomatica*. Т. III : *Diplomatica*. Firenze, 1898; *Bresslau H. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien*. 2. Aufl. Bd. 1. Leipzig, 1912; Bd. 2, Abt. 1. Leipzig, 1915; Bd. 2, Abt. 2. Leipzig, 1931. [Repr. Berlin, 1958]; *Thommen R., Schmitz-Kallenberg L. Urkundenlehre*. Leipzig; Berlin, 1913. S. 56–116; *Boüard A. de. Manuel de diplomatique française et pontificale*. Paris, 1929.

Параллельно с интересом коллекционерским развивался интерес к документам папской канцелярии как к источнику сведений по истории России — с их выявлением в иностранных архивах и их публикации. При этом поиск источников по отечественной истории в европейских собраниях на первом этапе носил в известном смысле характер эрудитского «собираательства».

Историю этого направления в отечественном источниковедении папских грамот следует вести с рукописного тома выписок из Ватиканского архива, которые были сделаны для последнего короля Речи Посполитой Станислава-Августа (1764–1795) польским ученым-иезуитом, королевским библиотекарем, титулярным епископом Зенопольским Джованни Баттиста (польское имя — Ян Кшичел) Альбертранди (1731–1808). Экземпляр с копиями папских грамот XI–XVII вв., подаренный польским королем русскому посланнику Я. И. Булгакову (1743–1809) и хранящийся ныне в Западноевропейской секции СПБИН РАН, дал импульс для использования этого вида источника Н. М. Карамзиным (1766–1826) при написании им «Истории государства Российского» (первые восемь томов опубликованы в 1816 г.)³. Одновременно эта подборка документов по истории украинских, белорусских, литовских и западнорусских земель вдохновила графа Н. П. Румянцева (1754–1826) на составление программы дальнейших поисков в архивах и библиотеках Европы исторического материала, касающегося истории земель, входящих в состав Российской империи⁴. Еще ранее идея о важности римских архивов для изучения русской истории высказывалась князем М. М. Щербатовым⁵.

Одно подобное предприятие уже было к тому времени инициировано Лифляндским дворянским конвентом. На средства, собранные прибалтийским дворянством и полученные из казны по ходатайству Н. М. Карамзина, ландратом Вильгельмом Фридрихом фон Унгерн-Штернбергом (1752–1832) была организована археографическая экспедиция по разысканию материалов по истории Прибалтики. Для разбора секретного архива Немецкого ордена в Кёнигсберге были привлечены кёнигсбергский ученый, богослов и филолог, автор работ по истории Пруссии и публикатор

³ Архив СПБИН РАН. ЗЭС. Колл. 32. Картон 694. № 1; выписки с текстами папских грамот, сделанные Карамзиным, хранятся в настоящее время в ОР РНБ в фонде Карамзина.

⁴ См. об этом: *Яковенко С. Г.* Материалы Ватиканского архива о связях России и папства // *Церковь в истории России*. М., 2000. Сб. 4. С. 178.

⁵ Переписка М. М. Щербатова 1782–1783 гг. о снятии копий с имеющихся в римских архивах документов по истории России с Кабинетом Ее Императорского Величества хранится в РГАДА в фондах Государственного архива Российской империи (Ф. 17), см.: *Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель* : в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 367.

исторических памятников доктор Эрнст Генниг (Hennig) (1771–1815) и ректор Императорского лицея в Риге, автор множества статей и публикаций документов по истории Ливонии Иоахим (Иоганн) Кристоф Бротце (Brotze) (1742–1823)⁶. В ходе этих разысканий в 1809–1811 гг. были изготовлены копии с документов XII–XVI вв., существенную часть которых составили папские грамоты 1191–1517 гг., адресованные магистрам Ордена. Часть собранных Э. Геннигом материалов была передана в 1812–1816 гг. в Кабинет Его Императорского Величества, где ими смог воспользоваться для своего многотомного сочинения Карамзин. Затем копии были переданы министру внутренних дел, члену Академии наук О. П. Козодавлеву (1753–1819) для подготовки планировавшегося им совместно с В. Ф. Унгерн-Штернбергом издания. Однако публикация не состоялась⁷.

Часть грандиозного замысла графа Румянцева по изучению европейских древлехранилищ, связанная с Ватиканским архивом, была воплощена А. И. Тургеневым (1785–1846), которому после смерти Я. И. Булгакова достались выписки Альбертранди. Несмотря на то, что официально архив еще не был открыт для свободного доступа исследователей, можно было заказать подбор исторического материала по определенной теме и изготовление с него копий. Во время своего пребывания в Риме в 1835 г. А. И. Тургенев договорился о подборе документов, касающихся истории России из папских регистров, а также о присылке в Петербург их копий⁸. Рукописные копии (более 400 документов с 1075 по 1719 г.) были выполнены по приказу тогдашнего префекта Ватиканского архива графа Марино Марини и заверены его печатью. Оформленные в виде отдельных

⁶ Краткую биографию и списки их работ см.: *Recke J. Fr. von., Napiersky K. E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexicon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mittau, 1827. Bd. 1. S. 277–283 ; Mittau, 1829. Bd. 2. S. 231–235 ; Mittau, 1832. Bd. 4. S. 413; см. также: Taimiņa A. «...Aus ächten und unverfälschten Quellen»: Ernst Hennig, Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg, Johann Christoph Brotze und ihre Arbeit an den Dokumenten aus dem Geheimen Archiv in Königsberg // Forschungen zur baltischen Geschichte. 2009. Bd. 4. S. 115–144.*

⁷ В настоящее время материалы к этому изданию — собрание копий, насчитывающее 942 единицы, хранится в РГАДА (Ф. 147, поступило из МГАМИД), см.: Российский государственный архив древних актов : путеводитель : в 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 59–60. Среди них — копии с 27 документов, составленных от имени Климента III, Гонория III (3), Григория IX (8), Иннокентия IV (3), Александра IV (2), Климента IV, Целестина V, Бонифация IX (2), Мартина V, Евгения IV (4), Иннокентия VIII.

⁸ См. любопытное описание Ватиканского архива в письме А. И. Тургенева от 20/8 апреля 1835 г.: *Тургенев А. И. Хроника русского : дневники. М. ; Л., 1964. С. 99–100; см. также: Гиллельзон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство // Там же. С. 480–481.*

томов под общим названием «Codex diplomaticus Ruthenus-Moskoviticus monumentis e tabulariis Vaticanis depromptis congegessus» и с посвящением императору Николаю I, подборки копий присылались в Петербург с 1835 по 1840 г.⁹

На основе этого материала, по сличении текстов с более ранними выписками Альбертранди, была осуществлена одна из первых публикаций Археографической комиссии — вышедшие под редакцией А. Х. Востокова (А. Остенека) (1781–1864) два тома *Historica Russiae Monumenta* (Petropoli, 1841–1842), которым, по замыслу их создателей, предполагалось стать первыми в большой серии, аналогичной *Monumenta Germaniae Historica* и названной по ее подобию. Проект этот остался нереализованным, лишь в 1848 г. к двум первым томам добавился том *Supplementum* — куда вошли письма 1581–1595 гг. папского легата Антонио Пассевино о его пребывании в Московии. Материалы этого издания — присланные в 1844 г. все тем же М. Марини по заказу министра народного просвещения и президента Академии наук С. С. Уварова (1786–1855) копии из Ватиканского архива — также хранятся в Архиве СПбИИ РАН¹⁰.

Из тех отечественных исследователей XIX в., кто работал непосредственно с документами Ватиканского архива после его открытия для читателей в 1880 г., удалось установить лишь несколько имен: большинство из них упоминает в одном из своих отчетов о занятиях в этом крупнейшем древлехранилище Е. Ф. Шмурло¹¹. В первую очередь следует упомянуть рижского историка Германа Христиана Гильдебранда (1843–1890) и доцента Петербургского университета Георгия Васильевича Форстена (1857–1910), подготовивших к публикации отдельные документы Апостольского престола на основе хранящихся в Ватиканском архиве папских регистров¹². Кроме того, можно отметить еще нескольких исследователей из числа подданных Российской империи, использовавших документы Апостольской канцелярии из Ватиканского архива в своих исторических сочинениях. Профессор Дерптского и Новороссийского университетов Александр (Густавович) Брюкнер (Brückner) (1834–1896) и бывший профессор Киевского университета, известный публицист Василий Алексеевич Бильбасов (1834–1896), очевидно, собирали в Ватикане

⁹ Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 32. Картон 696. № 1, 2, 3, 3а, 4 (полностью тома с первого по третий и индексы к четвертому тому).

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 45 (57 ед. хр.).

¹¹ Шмурло Е. Ф. Отчет о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. Дерпт, 1895.

¹² *Livonica vornämlich aus dem 13. Jh., im Vatikanischen Archiv* / hrsg. von Н. Hildebrand. Riga, 1887; Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса XVI–XVII вв. СПб., 1889–1893.

материал по истории России XVIII в.¹³ Наряду с польскими историками, членами специально созданной Польской комиссии в Риме, такими как специалист по дипломатии и новой истории папства Бронислав Дембинский (Dembiński) (1858–1939), специалист по рукописям Йозеф Корженёвский (Korzeniowski) (1863–1921) и знаток канонического права и средневековой истории Церкви Владислав Абрахам (Abraham) (1860–1941), в 80–90-е гг. XIX в. в Ватиканском архиве работали профессора Варшавского университета Николай Николаевич Любович (1855–1933) и Теодор Феликс (Федор Францевич) Вержбовский (Werzbowsky) (1853–1923). Последние собирали среди документов Апостольской канцелярии материал по истории польских, украинских и белорусских земель XVI в. и составили описания архива на русском языке¹⁴.

Еще А. И. Тургенев и Н. Н. Любович писали о значении Ватиканских регистров для изучения истории России. В 1900 г. профессор Дерптского университета Евгений Францевич Шмурло (1854–1934), работавший с этим богатым материалом в 1892–1894 гг., указал на необходимость создания в Риме особой исторической комиссии под эгидой Российской академии наук по аналогии с уже созданными историческими институтами европейских стран¹⁵. Ввиду недостатка средств «Постоянная историческая комиссия», основной целью которой было разыскание в итальянских архивах документов, относящихся к русской истории, была организована в Петербурге, в самом Риме предполагалось пребывание одного только «постоянного научного корреспондента»¹⁶.

¹³ В фонде В. А. Бильбасова хранится листок с латинскими сокращениями, принятыми в средневековых папских регистрах и довольно неудачная в палеографическом смысле перерисовка образца письма из древнейшего регистра папы Иоанна VIII (872–882), выполненного беневентанским письмом: ОР РНБ. Ф. 102. № 436 (без даты).

¹⁴ *Вержбовский Ф.*: 1) Отчет VII о научных занятиях за границей в течение 1880 г. // Известия Варшавского Университета. 1882. № 5 ; 2) Отчет VIII о научных занятиях за границей в течение 1881 г. // Известия Варшавского Университета. 1883. № 4 ; *Любович Н. Н.* Итальянские архивы и библиотеки : Отчет о заграничной командировке в 1887 г. // Известия Варшавского Университета. 1888. № 8.

¹⁵ *Шмурло Е. Ф.* Об учреждении Русской исторической комиссии в Риме // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1900. Т. 2. С. 5; ср.: *Он же.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 года. Юрьев, 1898.

¹⁶ Протокол заседания Историко-филологического отделения Императорской Академии наук 6 марта 1902 г., копия письма Григория Зенгера Его Императорскому Высочеству об учреждении должности ученого корреспондента в Риме 6 января 1903 г., черновики Положения об обязанностях ученого корреспондента в Риме и письма Шмурло 1903–1907 гг. к А. С. Лапшо-Данилевскому в связи с его назначением и пребыванием в Риме хранятся в необработанном фонде Е. Ф. Шмурло в Архиве СПбИИ РАН (Русская секция. Ф. 321).

В этом качестве Е. Ф. Шмурло проработал в Риме с 1903 по 1924 г. Составленный им обзор по фондам Ватиканского архива включает в себя очерк о работе Апостольской канцелярии применительно к истории архива, содержит довольно подробную историю обращения к его богатствам, а равно и краткую историю изучения и публикации папских документов с хорошо составленной библиографией¹⁷. Помимо этой деятельности, определенной должностными обязанностями ученого корреспондента Академии наук, Е. Ф. Шмурло предпринимал частные разыскания по поручению Н. П. Лихачева в связи с отдельными вопросами папской дипломатики и, вероятно, с присылкой ему факсимильных копий страниц рукописей из итальянских библиотек¹⁸.

Первая мировая война и последовавшие за ней революция и смена политического режима поставили актуальность этого направления исторических исследований под сомнение. Тем не менее ученый корреспондент, трудившийся в Риме, еще какое-то время продолжал свою работу, присылая в Петроград собранные им материалы, несмотря на то, что жалование на его имя уже не поступало. Результаты многолетней работы Е. Ф. Шмурло были частично изданы Академией наук в 1920-е гг. уже в Ленинграде, без упоминания его имени¹⁹. В дальнейшем о целенаправленном продолжении архивных разысканий в Ватиканском архиве не могло быть и речи. Однако и до революции грандиозные начинания, предпринятые в этом направлении историковедческих изысканий Археографической комиссией, несмотря на неоднократно подчеркивавшуюся важность данного направления теми исследователями, кто был знаком с этим типом источников, не нашли достойного продолжения.

Весьма характерно то обстоятельство, что первый опыт исследовательской деятельности по разысканию источников по отечественной

¹⁷ Россия и Италия : сб. ист. материалов, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907. Т. 1; о его деятельности на этом посту см.: *Яковенко С. Г.* Материалы ... С. 181–184; выписки из материалов римских собраний вместе с черновиками отчетов и выписками из протоколов заседания Историко-филологического отделения 1904–1916 гг. хранятся в фонде Е. Ф. Шмурло и в фонде Б. Д. Грекова (Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Ф. 321 (необработан); Ф. 328. Д. 71); другая часть материалов находится среди личных фондов ГАРФ (Ф. Р-5965); см.: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.) : путеводитель. М., 2001. Т. 5. С. 493–494.

¹⁸ В собрании ЗЭС Архива СПбИИ РАН есть подборка таких факсимильных изображений рукописей из Ватиканской библиотеки; письма Е. Ф. Шмурло Лихачеву из собрания ЗЭС Архива СПбИИ РАН опубликованы: *Климанов Л. Г.* Из истории изучения папской дипломатики в России // ВИД. СПб., 2005. Вып. 29. С. 143–154.

¹⁹ Памятники исторических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. 1, вып. 1; Россия и Италия. Л., 1927. Т. 4.

истории среди западноевропейских документов в иностранных архивах (археографическая экспедиция В. Ф. фон Унгерн-Штернберга) был осуществлен представителями немецкой источниковедческой школы и не был доведен до публикации. Не будучи расценено должным образом с точки зрения национальных интересов, исследование западноевропейских хранилищ не встретило необходимой поддержки со стороны государства, и папские грамоты не снискали особой популярности среди отечественных историков и источниковедов истории России.

Исторический интерес к документам папской канцелярии как к источнику сведений, в первую очередь по отечественной истории, развивался, что уже было отмечено, параллельно с коллекционированием папских грамот и развитием связанного с собирательством интереса к ним как к подлинным памятникам прошлого и показательным примерам с точки зрения дипломатики и палеографии. Начиная с конца XVIII в. и вплоть до начала XX в. (до момента сотрудничества Н. П. Лихачева и Е. Ф. Шмурло) два этих направления, представляющие собой две ветви зарождающегося отечественного источниковедения западноевропейских актов, практически не пересекались. Отечественные публикаторы папских грамот не обращались к собранным в отечественных хранилищах подлинникам, а собиратели не акцентировали внимание на историческом содержании приобретаемых ими документов, во всяком случае не спешили с их публикацией.

В этом смысле показателен пример публикации Г. Х. Гильдебранда. Достаточно важный документ в церковной истории Прибалтики — послание Григория IX 1230 г. своему легату кардиналу Оттону с просьбой разрешить конфликт вокруг выборов епископа Риги — был издан им дважды: сначала по плохой копии из архива Великого княжества Литовского, известного под названием «Литовская метрика» и хранящегося на тот момент в Петербурге, затем по копии из Ватиканского регистра, в то время как сам оригинал находился в том же Петербурге в собрании Археографической комиссии вместе с тремя другими неизданными папскими грамотами, адресованными капитулу Риги²⁰. Любопытно также и то, что Археографическая комиссия, располагая уже в 1838 г. столь ценным комплексом подлинных документов, имеющим непосредственное отношение к истории установления папского влияния на землях будущей Российской империи, не издала его даже в описании, а при подготовке публикации апостольских грамот в *Historica Russiae Monumenta* 1841–1842 гг. ограничилась раздобытыми А. И. Тургеневым копиями

²⁰ Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Колл. 33. Картон 483. № 1. Л. 13–15, 18 ; *Hildebrand H. Zehn Urkunden zur älteren livländischen Geschichte aus Petersburg und Stockholm // Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Curlands. Riga, 1880. Bd. 12. S. 370, Nr. 3 ; Livonica ... S. 34, Nr. 13.*

с Ватиканских регистров. Парадоксальным образом Европа оказалась ближе русским исследователям, чем их коллеги или архивные собрания в том же Петербурге.

Собственно источниковедческий интерес к документам папской канцелярии — как соединение основных тенденций первых двух направлений и в то же время преодоление узости их подходов — в отечественной науке начинается с Н. П. Лихачева. Он первым из отечественных ученых усвоил и стал развивать европейские традиции источниковедения папских грамот, ориентированные не столько на поиск содержащихся в грамотах исторических свидетельств, сколько на исследование специфики этого вида источника, что невозможно без тщательного изучения формуляра и внешних особенностей оформления грамот.

Изданное Н. П. Лихачевым в 1906 г. «Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреве: Этюд по дипломатике пап» до сих пор является единственной крупной работой по папской дипломатике на русском языке²¹. Исследование это отнюдь не ограничивается публикацией и описанием обозначенного в названии памятника. Труд (скромно именуемый автором «статья»), но по объему и структуре приближающийся к книге) подробно освещает историю закрытых посланий, эволюцию этого типа грамот в Апостольской канцелярии, историю и типологию возникшего на их основе нового типа папских грамот (бреве), подробно разбирает вопросы, связанные с папской подписью на разных документах, затрагивая при этом проблемы специфики делопроизводства в папской канцелярии, в частности подробно останавливаясь на суппликах. Работа богато иллюстрирована и снабжена фототипическими воспроизведениями документов из коллекции автора. По ходу изложения автор затрагивает вопросы, связанные с подлинностью и достоверностью тех или иных исторических памятников из европейских хранилищ, которые

²¹ Опубликована в составе «Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (т. 81); затем вышла в виде отдельного оттиска. См. рецензии, благодаря которым это исследование стало отчасти известно в Европе: *Salomon R. G. Eine russische Publikation zur päpstlichen Diplomatie // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters. 1906. Bd. 32. H. 2. S. 459–475*; *Prou M. Quatre études de diplomatie pontificale de MM. Schmitz-Kallenberg, Likhatscheff, Goeller et Baumgarten // Le Moyen Âge. Revue d'histoire et de philologie. 2e série. 1909. T. 13 (T. 22 de la collection). P. 131–139, особенно P. 133–135. Второй работой Лихачева по этой теме является подготовленное тогда же издание бреве Павла V к Борису Годунову по черновику из коллекции автора с фототипическим воспроизведением первой и последних страниц: *Лихачев Н. П. К истории дипломатических сношений с папским престолом при царе Борисе Годунове // Известия русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. 11, кн. 1. С. 316–336.**

он привлекает в качестве примера. Причем нередко Н. П. Лихачев предлагает свои оригинальные решения для прояснения спорных моментов в историографии. Одной из таких находок Н. П. Лихачева является отождествление инициалов в собственноручных папских визах на суппликах с родовыми именами понтификов — обстоятельство, еще несколько десятилетий остававшееся невыясненным для европейских ученых²².

Книга имеет посвящение «Императорской Академии наук в память учреждения поста ученого корреспондента в Риме», что служит одновременно указанием на значимость этого события и выражением надежды на дальнейшее развитие исторических разысканий в этом направлении. При подготовке этого труда немалое значение имела переписка с находившимся в Риме Е. Ф. Шмурло, который выяснял для Лихачева наличие тех или иных документов в Ватиканском архиве, составлял их описания, заказывал копии и консультировался с итальянскими коллегами по вопросам папской дипломатики²³.

Вторым трудом Н. П. Лихачева, посвященным папским грамотам, является, безусловно, его коллекция. По тому, насколько полно в ней представлены все основные типы папских грамот, начиная с середины XI в., и какие редкие образцы она содержит, можно судить о том, что собрание документов Апостольской канцелярии происходило в соответствии с определенным планом и за ним стояли широкие познания о деятельности этого института и о характере выпускаемых им актов. Доказательством тому служит большая подборка собранной Н. П. Лихачевым специальной литературы по папской дипломатике, начиная с самого раннего, не охваченного коллекций документов периода. Ныне эта подборка находится в составе Библиотеки СПБ ИИ РАН (отделения БАН) и включает в себя практически все публикации по данной теме, вышедшие до 1914 г. В своих курсах по дипломатике и сфрагистике, читавшихся в Археологическом институте с 1894 по 1923 г., Н. П. Лихачев, естественным образом, уделял внимание папской канцелярии и ее продукции²⁴.

Еще одной ключевой фигурой в формировании этого так и не состоявшегося в полной мере направления в отечественном источниковедении стала специалист по латинской палеографии Ольга Антоновна Добиаш-Рожественская (1874–1939). В конце второго десятилетия XX в. ученица

²² Ср., например: *Van Moë É.-A. Suppliques originales adressées à Jean XXII, Clément VI et Innocent VI // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1931. Т. 92. Р. 253–276.*

²³ См. об этом: *Климанов Л. Г. Из истории изучения папской дипломатики в России. С. 143–147; сохранилось несколько писем Е. Ф. Шмурло 1904–1905 и 1910 гг., см. публикацию: Там же. С. 148–153.*

²⁴ *Лихачев Н. П. Дипломатика : Из лекций, читанных в Санкт-Петербургском Археологическом институте. СПб., 1901. [Репринт. М., 2001]; существуют также издания, выполненные по конспектам 1897, 1906 и 1907 гг.*

крупного медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) преподавала папскую дипломатику на Высших женских (Бестужевских) курсах. Особой ценностью этого специального курса было то, что помимо лекций, знакомивших слушательниц с самыми современными на тот момент тенденциями в изучении папских грамот, большая доля внимания была уделена самостоятельным практическим занятиям. Кроме выполнения транскрипций по палеографическим таблицам Ф. Штеффенса, по которым до сих пор занимаются в немецких университетах, «бестужевки» в обязательном порядке работали с рукописями из собрания Публичной библиотеки — с «Церковной историей народа англоv» Беды Достопочтенного VII в., содержащей подборку посланий Григория I (590–604), а также с оригиналами папских грамот XII–XIII вв.²⁵

Вероятно, вопросы, связанные со сложением формуляра древнейших папских грамот, затрагивал в своих лекциях по истории папства и другой ученик И. М. Гревса Петр Борисович (Бернгардович) Шаскольский (1882–1916), бывший приват-доцентом при Петербургском, затем Петроградском университете: в его фонде хранится разбор двух редакций важнейшего источника по ранней папской дипломатике — *Liber Diurnus*²⁶.

Таким образом, в Петербурге накануне революции сложились достаточные предпосылки для возникновения собственной отечественной школы изучения папских грамот. В стране существовала полувековая традиция публикации и привлечения этого типа памятников в качестве исторического источника (несмотря на спорадический характер этих ученых занятий и их несогласованность). Определенное значение имело установление прочных научных связей с Ватиканским архивом и, что немало важно, наличие нескольких его обзоров на русском языке. Наконец, достаточно богатое собрание подлинников было доступно к изучению на родной земле, при возможности сопоставления с другими образцами подлинных средневековых актов в тех же коллекциях. К этому следует добавить и такой немаловажный фактор, как наличие самой современной литературы по вопросам изучения папских грамот в столичных библиотеках и, конечно же, включение курсов средневековой дипломатики в учебные программы высших учебных заведений.

Возможным толчком для начала работы в этом направлении могло бы послужить инициированное Н. П. Лихачевым издание актов Кремоны из

²⁵ Подготовительные записи к этому курсу О. А. Добиаш-Рождественской «*Litterae pontificum*» (датирован «до 1918 г.») хранятся в ее фонде в ОР РНБ (Ф. 254. № 196); рабочая тетрадь Е. Ч. Скржинской с записями этих занятий находится в ее фонде, еще не прошедшем полную архивную обработку; о работе в Публичной библиотеке см.: Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Ф. 14. Оп. 1. № (152). Л. 1–13.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 845. № 7.

его коллекции, которое готовили молодые медиевисты из кружка И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской: Александра Дмитриевна Люблинская (тогда еще Стефанович) (1902–1980), Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968), Сергей Александрович Ушаков (1904–1938), Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951) и другие (иногда транскрибированием занимались группой до 35 человек)²⁷. Среди подготовленных ими актов были, очевидно, и папские буллы. По крайней мере, три апостольские грамоты вошли в первый том «Актов Кремоны», подготовленный после разгона семинара и смерти самого Лихачева в 1937 г. Сергеем Александровичем Аннинским (1891–1942). Из 165 представленных в томе документов около 60 транскрипций было сделано участниками семинара, но издателю пришлось их заново сверить²⁸. Есть основания полагать, что сам С. А. Аннинский готовил или только надеялся подготовить издание древнейших папских грамот из архива ЛОИИ. В папках со многими документами XII–XIII вв. коллекции 41 из собрания ЗЕС лежат выполненные его рукой транскрипции грамот.

Единственным выражением этого так и не успевшего сложиться направления отечественного источниковедения, о котором мы можем сказать что-то определенное, явилась неоконченная работа Е. Ч. Скржинской (1894–1981), подготовительные материалы к которой отложились в ее фонде²⁹.

Знакомство Е. Ч. Скржинской с документами Апостольской канцелярии началось с больших привилегий Каликста II (1121 и 1123 гг.) и Иннокентия II (обе — 1133 г.) из собрания Публичной библиотеки — четырех грамот, происходящих из архива коммуны Генуи и имеющих первостепенное значение для всего северо-западного побережья Италии и Корсики. Первые записи о ее работе с этими документами датируются маем 1917 г. В то время как страна была охвачена великими потрясениями, молодая исследовательница едва ли не каждый день проводила в Рукописном

²⁷ Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / подг. к изд. С. А. Аннинского ; под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. М. ; Л., 1937. С. 26; одним из свидетельств этой работы являются аннотации, сохранившиеся на обложках некоторых кремонских актов; см., например, рукописную аннотацию, выполненную в 1921 г. и подписанную А. Д. Стефанович, на обложке описи ризницы Кремонского собора, составленной по приказу епископа Одельрика в 985 г. и являющейся самым древним из дошедших до нашего времени библиотечным каталогом Италии (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 4. Картон 120. № 2).

²⁸ Копия большой привилегии Иннокентия II, послание Иннокентия III и копия послания Гонория III (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 4. Картон 121. № 4 ; Картон 124. № 16а ; Картон 125. № 23 ; Акты Кремоны X–XIII веков. С. 102–104, № 21 ; С. 246, № 115 ; С. 294–295, № 148).

²⁹ Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. № (95а), (152), (154); фонд не обработан окончательно, поэтому номера даются по предварительной описи.

отделе Публичной библиотеки. Только что прослушав курс палеографии и дипломатики папских грамот у О. А. Добиаш-Рождественской и уже приобретя навык работы с этим типом источников по палеографическим таблицам Ф. Штеффенса, она выполняла транскрипции с оригиналов XII в.³⁰

Неудивительно, что спустя несколько лет именно ей, своей любимой ученице, горячо влюбленной в Италию, О. А. Добиаш-Рождественская доверила работу над генуэзскими документами, которые хранились в Публичной библиотеке. В 1925 г. Елена Чеславовна запланировала со своей наставницей большое исследование, тема которого первоначально звучала как «Папские буллы XII–XV вв., адресованные в Геную». Ольга Антоновна исправила его на «Генуэзскую политику в документах римской курии»³¹.

Единственным законченным исследованием по этой теме явилась работа о послании Урбана IV 1262 г. из коллекции Н. П. Лихачева³². Е. Ч. Скржинской было сделано сообщение об этой грамоте: 15 мая 1925 г. — на заседании в ГАИМК в Мраморном дворце, 28 мая — на семинаре на квартире у И. М. Гревса. Затем была написана статья на французском языке, которую предполагалось издать в «Archivio storico Italiano», но ее в журнал не приняли. Затем по совету своей наставницы Е. Ч. Скржинская написала таким известным исследователям папской дипломатики, как Пауль Фридолин Кер и Людвиг Шмитц-Калленберг. Ответ последнего неизвестен, первый же обеспечил свое посредничество с редакцией сначала «Neues Archiv», а затем с периодическим изданием Прусского института в Риме «Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken». Переписка Е. Ч. Скржинской по этому вопросу опубликована³³. Единственное дополнение, которое следует сделать по этому поводу, то, что переведенная в издательстве Прусского института с французского на немецкий язык статья, которая должна была выйти под названием «Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV zu Genua», так и не была опубликована, хотя и значится в списке трудов Е. Ч. Скржинской³⁴. Рукопись Елены Чеславовны не успела к верстке 22-го выпуска (1931), и в тот же год скончался редактор журнала Герхард Лэр (Laehr), с которым она вела переписку.

Однако, несмотря на неудачу, Елена Чеславовна продолжала обращаться к этой теме и в 1930-е, и в начале 1960-х гг. Она пишет транскрипции,

³⁰ Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (152). Л. 14, 19–37.

³¹ См. начало тетради «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Там же. № (154). Л. 97).

³² Совр. шифр: Архив СПБНИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 502. № 25; см. Там же. Ф. 14. Оп. 1. № (95а).

³³ См.: *Васильев А. Н., Климанов Л. Г. Е. Ч. Скржинская: жизнь и труды* (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики. СПб., 2004. С. 483–485.

³⁴ Ср.: Там же. С. 464–465, 483, 485, 519.

составляет аннотации грамот, уточняет датировки, готовит археографическое описание каждого памятника, начинает составлять картотеку этого фонда, кое-где делает выписки из генуэзских анналов — и постоянно обращается к своим прежним записям. Тетради, заведенные ею в середине 1920-х гг., имеют более поздние вкладки и содержат несколько слоев разновременных пометок, дополнений и исправлений. И хотя эта работа, несмотря на большой объем предварительных записей, была едва начата и сохранилась преимущественно в виде разрозненных фрагментов, даже на таком материале можно отметить некоторые специфические черты изучения папских грамот в советскую эпоху.

Прежде всего отметим саму сложность положения, в котором оказалась Е. Ч. Скржинская, обратившись в середине 20-х гг. к изучению документов Апостольской канцелярии. В отличие от своей наставницы, она была лишена как возможности работать в европейских архивах и библиотеках, так и консультаций западных специалистов. В этих условиях особую роль для исследовательницы приобретал личный опыт ее наставников, получивших в свое время, пусть и отдаленное, возможность работы с западным материалом. В первую очередь следует назвать О. А. Добиаш-Рождественскую и уже во вторую — Н. П. Лихачева (по крайней мере, именно такая очередность прослеживается по материалам фонда Скржинской).

Кроме самостоятельной работы с источниками, Елена Чеславовна пользовалась карточками, составленными ее наставницей³⁵, во многом следуя за ней или же, наоборот, отталкиваясь от ее мнения в том, что касалось внешней и внутренней критики документальных памятников. В «картах», составленных Добиаш-Рождественской и воспроизводимых ее ученицей, обращает на себя внимание терминология, используемая для описания внешних характеристик папских грамот. Документы Иннокентия IV (1243–1254) и Александра IV (1254–1261) — вне зависимости от того, идет ли речь об оригиналах или об «апографрах» и «трансумпах», — получили следующие определения своего письма: «*scr. dipl. du XIII s.*», «*scr. dipl. d'un breve du XIII s.*», «*minuscule diplom.*», «*minusc. dipl. du XIII s.*», «*minusc. libraire du XIII s.*», «*minusc. cursive du XIII s.*», «*cursive du XIII s.*», «*cursive ronde XIII s.*», «*cursive dipl. du breve XIII s.*», «*scr. cursive du XIII s.*» («дипломатическое письмо бреве», «дипломатический минускул», «книжный минускул», «курсивный минускул», «курсив», «дипломатический курсив», «круглый курсив», «дипломатический курсив бреве», «курсивное письмо»). Нечеткость и невятность данной терминологии свидетельствует о том, что карточки эти, составленные О. А. Добиаш-Рождественской,

³⁵ См.: «Буллы по картам О. А. Д.-Р.» — листки с датой 18.VI.1933, вложенные в тетрадь «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 2–12).

не являлись ни архивной описью, ни научным описанием документов и были выполнены, скорее всего, для общей ориентации, в виде черновых набросков.

Эта картотека свидетельствует еще и о том, что, хотя письмо грамот и составляло не последний интерес для составительницы (собственно, эти пометы служат единственными дополнительными сведениями, сообщаемыми о документах, кроме шифра, имени папы, даты и адресата), оно не являлось основанием для определения подлинности документа. В тех случаях, когда в самой грамоте отсутствует нотариальная запись об изготовлении копии с аутентичного папского документа, появляются пометы, стоящие в скобках: «autographus», «autograph.?»», «autenticum ineditum?».

О. А. Добиаш-Рождественская имела большой опыт работы с документами папской канцелярии, когда, уже будучи преподавателем Высших женских курсов, была отправлена на стажировку в Париж, где в Национальной школе хартий под руководством Шарля Ланглуа (1863–1929) составляла подборку по истории взаимоотношений Апостольского престола с французским духовенством на основе только что опубликованных Французской школой в Риме папских регистров XIII в. Сама Ольга Антоновна сообщает, что ею было транскрибировано около 200 грамот и фрагментов рукописных кодексов из хранилищ Национальной библиотеки и Национального архива Франции³⁶. Однако ввиду того, что письмо папской канцелярии со второй половины XII в. приобретает унифицированный характер и не вызывает трудностей с прочтением, апостольские грамоты этого периода едва ли составляли значительную долю материала палеографического практикума. Курс о папских грамотах исследовательница готовила уже в Петербурге, исходя из тех материалов, которые были в ее распоряжении в Публичной библиотеке. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется то, что при характеристике папских грамот из генуэзского фонда Добиаш-Рождественская опирается не на их палеографический анализ, а на традицию этих документов и на анализ формуляра — т. е. на знания, полученные из историографии. Выписки из ее карт ясно говорят о том, что в случае с оригиналами папских посланий XII–XIII вв., на которых, в отличие от хранящихся в том же фонде «видимусов» папских грамот, нет нотариальных заверок и в которых, в отличие от больших привилегий, отсутствуют выполненные разными почерками кардинальские подписи, Ольга Антоновна не берется определять подлинность документа на основании его внешнего вида.

Примером такой осмотрительности может служить казус грамоты Климента IV 1266 г. из коллекции Дубровского в том же хранилище.

³⁶ См.: Отчет о командировке в Париж 1908–1909. 24 августа 1909 г. (ОР РНБ. Ф. 254. № 18. Л. 7–8, 11).

Подлинник лишился в свое время печати на шелковом шнуре (о том, что это была печать именно на шелке, свидетельствует графическое оформление документа). Она была отрезана вместе с куском нижней загнутой полоски пергамента — плитки (неизвестно с какой целью, но для французских документов утрата печати — не редкость). Потом, вероятно, кем-нибудь из завладевших грамотой антикваров документ был дополнен свинцовой печатью Климента VII на пеньковой веревочке. И способ привески, и ее материал, и утрата в нижней части грамоты не хуже самой печати свидетельствуют о том, что она чужеродна документу. Все это не могло не бросаться в глаза, но несуразно привешенная чужая печать вызвала у О. А. Добиаш-Рождественской подозрения в подлинности самой грамоты, тем более что последняя не значилась в перечне А. Поттхаста³⁷.

Определяющую роль в такой оценке сыграло отсутствие сравнительного материала. Так, в Публичной библиотеке не имеется других грамот Климента IV (три других оригинала его документов находятся в коллекции Н. П. Лихачева)³⁸. Как показывает пример О. А. Добиаш-Рождественской и Е. Ч. Скржинской, отдельные вопросы, связанные с внешней критикой источника, в силу фрагментарности собраний невозможно решить исключительно на петербургском материале, даже имея в своем распоряжении всю научную литературу по папским грамотам на начало XX в. и великолепные палеографические таблицы М. Тангла и Ф. Штеффенса³⁹.

В 1933 г., работая с карточками, составленными своим учителем, Е. Ч. Скржинская оказывается в еще более трудной ситуации. Она сверяет шифры, исправляет даты издания документов по римскому календарю, заново задается вопросом о подлинности того или иного акта. «Est une [sic] autographe ou brève un faux?» («Не является ли этот автограф или брeve

³⁷ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 59. Л. 7 — см. помету в описи; *Pottthast A. Regesta pontificum Romanorum inde ab anno post Christum natum MCXCVIII usque ad annum MCCCIV*. Т. 1–2. Berolini, 1874–1875.

³⁸ Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 503. № 4, 5; Колл. 4. Картон 141. № 7.

³⁹ Составленные с учебной целью таблицы Ф. Штеффенса, включающие в себя почти полторы сотни образцов письма, содержат 14 папских грамот (апостольских посланий, привилегий и бреве IX–XVII вв.) и еще четыре документа, связанных с деятельностью папской канцелярии — образцы регистров и супплик; в кратком издании 1903 г. (70 таблиц вместо 120) — соответственно 13 и 2. Век XIII представлен, однако, лишь посланиями Иннокентия III 1208 г., Иннокентия IV 1254 г., Бонифация VIII 1299 г. и большой привилегией Григория IX 1234 г., XII век — большими привилегиями Пасхалия II 1102 г., Гонория II 1127 г. и двумя посланиями Иннокентия II 1138 г. и Евгения III 1145 г. (*Steffens F. Lateinische Paläographie*. 2 Aufl. Berlin, 1929. Taf. 76, 80, 81, 88, 91, 94). В таблицах М. Тангла период XII–XIII вв. представлен лишь двумя малыми буллами Иннокентия IV 1253 г. и большой привилегией Урбана IV 1263 г. (*Tangl M. Schrifttafeln zur Erlernung der Paläographie*. Berlin, 1904–1906. Bd. 3. Taf. 89–91).

подделкой?») стоит карандашом под одной из записей. Карандашные пометки со знаком вопроса в скобках «autographus (?)» множатся. Наконец, неизвестные ранее оригиналы грамот Александра III (1159–1181) объявляются подделками (совр. шифр: ОР РНБ. Ф. 992 (Собрание иностранных грамот). № 9–14)⁴⁰.

Для этих шести посланий из собрания РНБ, утративших вислые печати с именем и номером понтифика, приведенное выше обстоятельство — отсутствие наглядного сравнительного материала — оказалось особенно критичным⁴¹. Действительно могущий вызвать некоторые сомнения относительно написания отдельных букв документ № 13, адресованный архиепископу и консулам Генуи и сообщающий о конфликте генуэзцев с римскими негоциантами, охарактеризован О. А. Добиаш-Рождественской следующим образом: «Подлог или сомнителен. Письмо [рубежа?] XII–XIII в. Текст, который беспрестанно нарушает правила составления акта — подложен, если это не чрезвычайно небрежная копия»⁴².

Однако и другие грамоты Александра III, бесспорные подлинники, были подвергнуты сомнению. Так, документ № 9 охарактеризован как «подложное послание. Дипломатическое письмо бреве XII в. Дипломатические формулы вызывают подозрение»⁴³. Документ № 11 также идет с пометой: «Подлог?»⁴⁴ Про грамоту № 10 сказано: «У Яффе нет этого бреве. Быть может, это подлог?»⁴⁵ Грамота № 14 определена как ранняя копия со следующей пометой: «Бреве (апограф). Не издано? Яффе не упоминает этого бреве»⁴⁶. Последнему документу этой группы, наиболее важному в историческом смысле, грамоте № 12, касающейся приезда папских легатов в Павию на собор, созданный императором Фридрихом Барбароссой, посвящена отдельная заметка: «Бреве (апограф?)

⁴⁰ В записях Е. Ч. Скржинской идут под старыми шифрами: Авт. 203. № 46, 47, 50, 49, 45, 48; см.: *Чиркова А. В.* Послания папы Александра III (1159–1181) из архива Генуэзской республики в собрании РНБ // ВИД. СПб., 2010. Т. 31. С. 131–158.

⁴¹ См.: «Буллы по картам О. А. Д.-Р.» — листки с датой 18.VI.1933, вложенные в тетрадь «Папы — Генуя. III» 1925–1927 гг. (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 8 об.–9 об.); см. также отдельные листки с аннотациями грамот, приложенные транскрипциям документов, выполненным в 1925 г. и пометы к ним в тетради «Папы — Генуя. III» (Там же. Л. 101 об.–119) и запись Е. Ч. Скржинской 1939 г. на листке, вложенном в тетрадь «Папы — Генуя. I» 1925 г. (Там же. Л. 179–182).

⁴² «Spurium vel dubium. Ecr. du XII/XIII s. Texte qui viole sans cesse des règles diplomatiques est un faux si ce n'est pas une copie excessivement négligeante» (Там же. Л. 8 об.–9 об.).

⁴³ «Breve spurium. Ecr. diplomatique de breve du XII s. Formules diplomatique suspectes» (Там же).

⁴⁴ «Spurium?» (Там же).

⁴⁵ «Jaffé ignore ce breve. Est-ce peut-être un faux?» (Там же).

⁴⁶ «Breve (apographus) Inédit? Jaffé ne mentionne pas ce brève» (Там же).

подлог?). Этот весьма значительный документ не упомянут у Яффе. В соответствии с дорсальной надписью, отсутствует в *Libri Jurium* — в таком случае, не окажется ли он подложным? <...> Следует отметить вот что: 12 декабря Александр III издал множество посланий (см.: *Migne, Patrologia Latina*, Т. СС, col. 80 sqq.), касающихся схизматика Октавиана, где он объявляет о направлении во Францию — не в Павию — тех же трех кардиналов, упомянутых в данном бреве. Ср. Potthast, 10600 (Поттхаст указан ошибочно, имеется в виду второе издание Яффе. — А. Ч.). Это заставляет сделать предположение, что наше бревно является подложным документом, сфабрикованным на основе двух этих посланий для того, чтобы добиваться привилегий городам Италии»⁴⁷.

Определение апостольских грамот XII в. подделками или (под вопросом) сомнительными копиями было вызвано двумя обстоятельствами: подозрительными формулами и отсутствием документов в составе картулярия Генуэзской республики *Libri Jurium* и в «Регестах» Филиппа Яффе, переработанное издание которых (в отношении нашего периода эта заслуга принадлежит Сэмюэлю Лёвенфельду) по сегодняшний день служит главным пособием для атрибуции папских грамот до 1198 г.⁴⁸

Главная причина такого гиперкритицизма, на наш взгляд, состоит в том, что как О. А. Добиаш-Рождественская, так и Е. Ч. Скржинская смотрели на эти послания Александра III сквозь призму папских посланий XIII в. Первая великолепно знала формуляр канцелярии Григория IX (1227–1241), над регистрами которого по изданию Французской школы в Риме она работала в Париже; вторая пользовалась подробным очерком по дипломатике и палеографии грамот Иннокентия IV (1243–1254), написанным издателем его регистров Эли Берже (1850–1925), под чьим руководством Ольга Антоновна в Париже проходила палеографическую практику⁴⁹. Достаточного сравнительного материала для оценки апостольских

⁴⁷ «Breve (apographus? spurium?) Ce breve si important n'est pas mentionné chez Jaffé. D'après une notice dorsale — non est in libris jurium — serait-ce alors un faux? <...> Il faut pourtant noter ceci: le 12 déc. 1159 Alex. III a publié nombre d'épîtres (v. M. P. L. CC, 80 sqq) concernant le schismatique Octavien où il déclare d'avoir envoyé en France (mais non à Pavie) les mêmes 3 cardinaux nommés dans le présent breve. Cf. Potthast 10600. Ce fait confermer l'hypothèse que notre breve soit un faux fabriqué d'après 2 ces épîtres, pour insister aux libertés des villes d'Italie» (Там же. Л. 8 об.–9 об.).

⁴⁸ *Jaffé Ph. Regesta Pontificum Romanorum a condita ecclesia annum post Christum natum MCXCVIII. 2 Aufl. : 2 Bde. / bearb. von F. Kaltenbrunner, P. Ewald, S. Loewenfeld. Leipzig, 1885–1888.*

⁴⁹ *Berger E. Les Régistres d'Innocent IV. Paris, 1884. Т. 1. P. V–LXXIX; «Отчет о командировке в Париж 1908–1909 гг.» О. А. Добиаш-Рождественской (ОР РНБ. Ф. 254. № 18. Л. 7–8); выписки Е. Ч. Скржинской (Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 249–257).*

посланий Александра III в самом Ленинграде исследовательницы не нашли: из всего комплекса генуэзских грамот РНБ малые буллы XII в. типа *mandamenta* ограничиваются именно этими шестью посланиями, в то время как папских посланий середины и второй половины XIII в. насчитывается несколько десятков. В палеографических же таблицах Ф. Штеффенса, на примере которых студентки О. А. Добиаш-Рождественской изучали папскую дипломатику, грамоты Александра III, да и вообще малые буллы конца XII в., оказались обойдены вниманием составителя; никаких других изображений папских грамот этого периода в распоряжении ленинградских источниковедов не было.

О том, что обе исследовательницы ориентировались в своих суждениях об этих посланиях на аналогичные документы XIII в., свидетельствуют их замечания об отсутствии в дате указания на год понтификата и их неудачные попытки отыскать в грамотах регулярный курсус и канцелярские пометы. Между тем еще из прочитанного Добиаш-Рождественской курса Е. Ч. Скржинская знала, что год понтификата начинают указывать в посланиях только с февраля 1188 г., а курсус (ритм в окончаниях пассажей), который периодически отмечают в документах XII в., становится характерной чертой стиля папской канцелярии только в XIII в. Канцелярские пометы начинают появляться лишь в первое десятилетие XIII в. Хотя специальное их исследование в первой половине XX в. только начинается в Западной Европе, работа П. М. Баумгартена была Скржинской известна⁵⁰.

О трудностях, с которыми столкнулась в своей работе Е. Ч. Скржинская, свидетельствует и то обстоятельство, что первоначально эти шесть посланий Александра III (1159–1181) были атрибутированы ею как грамоты Александра IV (1254–1261), и только спустя какое-то время в результате анализа исторического содержания она поняла свою ошибку. Тем не менее, несмотря на описанные выше сложности, с которыми сталкивается любой отечественный исследователь папских документов, нельзя не указать на те возможные пути, которыми в своем анализе О. А. Добиаш-Рождественская и Е. Ч. Скржинская не воспользовались.

В распоряжении советского читателя в 1920–1930 гг. имелись первые пять томов и первая часть шестого тома «Понтификальной Италии», выпущенных П. Ф. Кером (второй части шестого тома, посвященного Генуе, в нашей стране не оказалось), а также выпущенный в серии трудов Геттингенской академии наук Яном Рамакерсом обзор нидерландских, бельгийских и некоторых северофранцузских архивов — «Папские до-

⁵⁰ Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 183.

кументы во Фландрии»⁵¹. При беглом знакомстве с этими трудами становится понятным, что доля документов папской канцелярии XI–XII вв., не значащихся в «Регестах» Яффе, в разных архивохранилищах может быть довольно большой (иногда до трети всех отмеченных списков). Отсутствие документа во втором издании Яффе — Лёвенфельда может свидетельствовать лишь о его отсутствии в печатных работах, но никоим образом не указывает на отсутствие рукописной традиции и тем более не может служить критерием подлинности документа. Не следует забывать и о следующем обстоятельстве: нередко то, что спустя сотни лет стало для нас исторически значимым, для архивистов и составителей копий прежних столетий было не более чем преходящими событиями постоянно менявшейся политической обстановки. И потому чудом сохранившийся подлинник может являться единственным сохранившимся экземпляром текста апостольского послания.

Кроме того, если говорить о сравнительном материале, в Институте документа, книги и письма, в коллекции западноевропейских грамот, собранной Н. П. Лихачевым, находилось несколько бесспорных оригиналов папских грамот XII в., в том числе четыре так называемые малые буллы Александра III и Луция III. При сравнении с ними подлинность документов № 9–12, 14 из фонда 992, хранящихся в РНБ, становится очевидна, тогда как подлинность грамоты № 13 из того же фонда, напротив, может вызвать сомнения.

Определенно, пренебрежение этими возможностями идентификации грамот Александра III из собрания РНБ объяснялось тем, что Е. Ч. Скржинскую эти документы в первую очередь интересовали как исторические источники по истории генуэзской коммуны, а не как грамоты, составленные в папской канцелярии. Вполне вероятно, что, продолжи Елена Чеславовна свое исследование, она наверняка заметила бы допущенную ею ошибку. Следует отметить еще одну особенность обращения к изучению папских документов в послереволюционный период — приоритет внутренней критики источника над внешней. Документ оказывается в первую очередь источником сведений о событиях политической, социальной, культурной или экономической истории и лишь затем — памятником деятельности того или иного института, которому он обязан своим появлением⁵². Вполне возможно, что таков был единственный путь изучения

⁵¹ *Italia Pontificia* / hrsg. von P. F. Kehr. Berlin, 1905–1913. T. I–VI/1 ; *Ramackers J. Papsturkunden in den Niederlanden: Belgien, Luxemburg, Holland und Französisch-Flandern* : 2 Bde. Berlin, 1933.

⁵² См. формулировку самой Е. Ч. Скржинской в тексте доклада, сделанного в ГАИМКе: «Итак, я разберу письмо Урбана IV как исторический документ (подчеркнуто Е. Ч. Скржинской. — А. Ч.) и обращусь к палеографии и дипломатике только как к вспомогательным дисциплинам, без которых нельзя обойтись, раз

папских грамот в советской историографии — показать их значение как исторического источника именно по социальной истории.

В случае с Е. Ч. Скржинской эта специфичность выражалась в стремлении осуществлять внешнюю критику документальных памятников, что называется, *ad hoc* — вне связи с историей документа и функционированием канцелярии. Младшие коллеги Е. Ч. Скржинской вспоминают, что в связи с тем или иным историческим вопросом исследовательница нередко говорила, что незнание всей совокупности современной литературы она с лихвой компенсирует тем, что в деталях знает все источники. Когда речь идет о сюжетах, применительно к которым вся специальная литература посвящена различным интерпретациям опубликованных нарративных памятников, досконального знания исторического текста может быть достаточно, но в отношении источниковедения актового материала ограничиться анализом одного лишь текста исследуемого документа не удастся.

Для сравнения, Н. П. Лихачев в своих суждениях о папских грамотах, в отличие от Е. Ч. Скржинской, часто руководствовался образом работы канцелярии, который он составил себе еще на русском материале. И в данном случае этот подход, как ни парадоксально, оказался более плодотворным. В частности, это проявилось в обмене мнениями Скржинской и Лихачева по поводу одной пометы на супплике 1384 г., отголосок которого нашел отражение в фонде Е. Ч. Скржинской в виде одной маленькой записки⁵³. Речь шла о сокращении в виде большой буквы *R* с перечеркнутым нижним элементом, которое Лихачев верно трактовал как сделанное нотарию указание «*tesire*», а Скржинская, перенеся на канцелярские пометы свой опыт чтения архивных помет на генуэзских грамотах, ошибочно толковала как знак занесения текста в регистр — «*registratum*».

В этой связи нелишне также вспомнить полемику, возникшую в 1925 г. на квартире у И. М. Гревса после сообщения Е. Ч. Скржинской о грамоте Урбана IV 1262 г. Тогда В. В. Бахтиным и Г. П. Федотовым было высказано остроумное, как отметила сама Скржинская, мнение о том, что документ был кассирован и не был отправлен из курии в Геную: на это якобы указывают многочисленные исправления и отсутствие плитки — загнутой полоски пергамена для привешивания печати. Из пометок Е. Ч. Скржинской ясно, что она имела беседу с Н. П. Лихачевым, который на этой встрече не присутствовал, но высказал свое мнение относительно сделанных замечаний. В результате Елена Чеславовна согласилась с его доводами, хотя

держишь самый документ в руках» (Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Ф. 14. Оп. 1. № (95а). Л. 6).

⁵³Совр. шифр: Архив СПбИИ РАН. ЗЕС. Колл. 41. Картон 542. № 1; см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. № (154). Л. 259.

и с осторожностью⁵⁴. Ее неуверенность заметна еще во французском тексте ее работы — она не решается окончательно утверждать, что грамота Урбана IV представляет собой образец закрытого послания (*litterae clausae*), которым не полагалось плики⁵⁵. Однако при переводе ее статьи на немецкий в Прусском институте эти ее сомнения были из текста убраны, формулировкам же была придана большая четкость. Немецкий редактор, не видевший самого документа, руководствуясь лишь своим опытом работы с папскими грамотами и действуя на основе составленного Скржинской описания, сам того не зная, подтвердил правоту Н. П. Лихачева⁵⁶.

Эти два сюжета, сохранившиеся исключительно в пометах самой Е. Ч. Скржинской, одновременно с противоречивым опытом источниковедческого анализа папских грамот, предпринятым ею вместе с О. А. Добиаш-Рождественской, показывают явный дисконтинуитет отечественной традиции дипломатики западноевропейского акта, возникший еще при жизни Н. П. Лихачева. Дальнейшее развитие этого направления исторической науки впоследствии стало невозможным из-за политической конъюнктуры.

Подготовку молодых исследователей западноевропейских рукописей продолжила другая ученица О. А. Добиаш-Рождественской — А. Д. Люблинская. Среди ее материалов сохранился конспект лекций по средневековой дипломатике, читавшихся ею в Ленинградском государственном университете в 1950-х гг. На шести листках, озаглавленных «Дипломатика папских булл», содержатся общие сведения по периодизации деятельности Апостольской канцелярии и типам выпускавшихся ею грамот с перечислением характерных черт внешнего облика и особенностей формуляра⁵⁷. Краткий очерк исторического значения папских грамот содержится в подготовленном А. Д. Люблинской пособии по источниковедению⁵⁸. Однако эти сведения, приведенные с опорой на классические европейские пособия по дипломатике, носят самый общий, скорее даже тезисный характер. На палеографическое значение папских грамот, отмеченное в свое время О. А. Добиаш-Рождественской, было вновь указано ученицей А. Д. Люблинской — Л. И. Киселевой⁵⁹.

⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Ф. 14. № 95а. Л. 14–15 об.

⁵⁵ Там же. Л. 53.

⁵⁶ Там же. Л. 64–65.

⁵⁷ Фонд А. Д. Люблинской не описан (Архив СПбИИ РАН. ЗЭС. Ф. 13), указанные материалы были любезно предоставлены в ЗЭС Л. И. Киселевой в 2011 г.

⁵⁸ Люблинская А. Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955. С. 303–304.

⁵⁹ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в Средние века. 3-е изд. М., 1987. С. 32; Киселева Л. И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 167–168.

Единственным примером продолжения исследования папских грамот в петербургских хранилищах явилась работа ученика Е. Ч. Скржинской и А. Д. Люблинской — В. И. Мажуги, который посвятил в своей диссертации несколько страниц анализу письма папской канцелярии 1150–1180-х гг. и середины XIII в.⁶⁰ Диссертация полностью так и не была опубликована, а исследование письма папской канцелярии, выполненное на материалах коллекции Н. П. Лихачева в Архиве СПбИИ РАН и генуэзского комплекса в ОР РНБ, не вошло даже в статьи. Примерно в то же время В. И. Мажугой была начата работа по изучению индивидуальной манеры письма кардинальских подписей в больших привилегиях; в виде перерисовок наиболее броских признаков им был собран материал по всем имеющимся в собраниях СПбИИ РАН и ОР РНБ оригиналам больших привилегий.

Несмотря на то, что за всю историю XX в., исключая труд Н. П. Лихачева, в отечественной науке не появилось ни одной законченной работы, посвященной папской дипломатике или палеографии папских грамот, нельзя недооценивать роль этого типа исторического источника в отечественной науке. Документы Апостольской канцелярии, собранные в Петербурге в результате передачи частных коллекций в национальные и государственные хранилища, сыграли далеко не последнюю роль в формировании отечественной источниковедческой школы, пусть им и суждено было оставаться в течение долгого времени лишь материалом, служившим обучению молодых ученых и выработке ими исследовательских методов и навыков источниковедческой критики.

ZUSAMMENFASSUNG

Papsturkunden zogen als historische Quellen für die Geschichte Russlands schon vor der Eröffnung des Vatikanischen Geheimarchivs 1881 die Aufmerksamkeit russischer Historiker auf sich. Nikolaj Karamzin arbeitete mit Papsturkunden in Form von Abschriften, die der polnische Historiker Jan Chrzciel Albertrandi für den polnischen König Stanislaw August Poniatowski aus Auszügen der Vatikanischen Regesten erstellt hatte. Für die Bearbeitung anderer Papsturkunden benutzte er Abschriften, die von den Historikern Ernst Hennig aus Riga und Johann Christoph Brotze aus Königsberg während der archäographischen Expedition von Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg 1809 bis 1811 im Geheimarchiv des Deutschen Ordens in Königsberg abgefasst worden waren. Die erste Edition dieser Papsturkunden wurde von der «Archäographischen Kommission» in den ersten (und einzigen) Bänden der «Historica Russiae Monumenta» (Bdd. I–II, Petropoli 1841–1842; Supplementum) im Jahr 1848 veröffentlicht. Die Edition wurde aus den Kopien der

⁶⁰ Мажуга В. И. Почерк в латинском письме конца VIII – середины XIII в. Л., 1979. С. 178–181. (На правах рукописи).

Vatikanischen Regesten vorbereitet. Der Präfekt des Vatikanischen Archivs Graf Marino Marini hatte diese Kopien für Alexander Turgenev gemacht und sie im Zeitraum von 1835 bis 1840 nach Russland geschickt.

Nach der Eröffnung des Vatikanischen Geheimarchivs hatte Russland, anders als die andere europäischen Staaten, lange kein Institut oder keine spezielle Kommission in Rom. Nur einzelne Forscher aus dem Russischen Reich unternahmten eine Reise nach Rom und arbeiteten im Vatikanischen Archiv an ihren eigenen Themen. Unter diesen Geschichtsforschern waren der Historiker Livlands Hermann Christian Hildebrand und der Dozent der St. Peterburger Universität Georgij V. Forsten, die beide Editionen der Papsturkunden aus den Vatikanischen Regesten vorbereiteten. Der deutschbaltische Historiker, Professor der Universitäten in Odessa und Dorpat Alexander Brückner und der Historiker, Journalist und ehemalige Professor für Geschichte an der Universität Kiew Vasilij A. Bilbasov arbeiteten beide im Vatikanischen Archiv über die russische Geschichte des 18. Jahrhunderts. Neben den polnischen Historikern Bronislaw Dembiński, Józef Korzeniowski und Władisław Abraham, die in den 80er und 90er Jahren des 19. Jahrhunderts in Rom im Rahmen besonderer polnischer Kommissionen arbeiteten, sollen hier die Professoren der Warschauer Universität Nikolaj N. Ljubovich und Teodor Feliks Wierzbowski genannt sein, die ebenfalls Papsturkunden des 16. Jh. über die Geschichte des heutigen Polens, der Ukraine und Weißrusslands suchten und die Beschreibungen des Vatikanischen Archivs in russischer Sprache veröffentlichten.

Turgenev und Ljubovich beschrieben den Reichtum und die Bedeutung der Papsturkunden und Papstregesten des Vatikanischen Archivs für die Geschichte Russlands. Der Professor der Universität Dorpat Eugenij Fr. Shmurlo, der schon in der Jahre 1892–1894 im Archiv gearbeitet hatte, schrieb über die Notwendigkeit, eine besondere historische Kommission im Rahmen der Russischen Akademie der Wissenschaften in Rom zu organisieren. Mangels finanzieller Mittel wurde die «Ständige historische Kommission» aber 1903 in St. Petersburg gegründet, um die in italienischen Archiven gefundenen, die russische Geschichte betreffenden Dokumenten zu veröffentlichen. In Rom wurde nur eine Dienststelle des «ständigen wissenschaftlichen Korrespondenten» eingeführt, der die Urkunden in Archiven auffinden sollte. Als solcher Korrespondent blieb Shmurlo von 1903 bis 1924 in Rom. Seine Berichte über seine Arbeit wurden im Jahrbuch «Russland und Italien» von der Akademie der Wissenschaften herausgegeben (4 Bd., 1907–1927). Im ersten Band findet sich eine detaillierte Bibliographie über die Geschichte des Vatikanischen Archivs und über die Papsturkundenforschung. Zudem gibt es eine Skizze der Apostolischen Kanzlei und des Archivbestandes.

Der erste und bis heute einzige Wissenschaftler, der eine Studie über Papstdiplomatik in russischer Sprache veröffentlicht hat, war Nikolai P. Likhatchev. Seine Studie von 1906 befasst sich mit einem an den russischen Zaren Ivan IV. gerichteten Breve Papst Pius V. Es ist darüber hinaus aber auch eine Einführung in Sphragistik und Diplomatie der Papstbriefe. Der Autor

konzentriert sich auf einige spezielle Fragen, z. B. auf das Problem der selbsthändigen Unterschrift der Päpste in Suppliken. Likhatchev arbeitete mit bis dahin unbekanntem Urkunden aus seiner eigenen Sammlung, die mehr als 2000 Papsturkunden vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts zählte. Neben dieser Kollektion, die Teil eines von ihm geplanten *Museums des Buches, der Urkunde und der Schrift* werden sollte, begründete Likhatchev eine große Spezialbibliothek über historische hilfswissenschaftliche Disziplinen. In den Jahren 1894 bis 1923 benutzte Likhatchev die Angaben der Papsturkunden auch in seinen Vorlesungen über Diplomatik und Sphragistik im Archäologischen Institut.

Papstdiplomatie war das Fachthema des ganzen Lehrgangs von Olga A. Dobiaš-Rozhdestvenskaja, die in den Jahren 1908 bis 1911 an der *École pratique des hautes Études* in Paris in dem Seminar des französischen Historikers Charles Langlois die Kirchenpolitik in den Papstregesten (nach der Edition von der *École française de Rome*) studierte. Nach ihrer Heimkehr gab sie ihr Wissen in Hochschulkursen für Frauen weiter; später unterrichtete sie in der St. Petersburger Universität. Ihr Studium der originalen Papsturkunden hatte jedoch nicht erst in Europa begonnen. In den 1920er Jahren hatte sie als Mitarbeiterin der öffentlichen Bibliothek (heute Russische Nationalbibliothek) zu einer Beschreibung der dort aufbewahrten westeuropäischen Handschriften beigetragen. Ihre Schülerin Elena Skržinskaja arbeitete unter ihrer Leitung von 1917 an über eine Reihe von genueser Papsturkunden, die in der Russischen Nationalbibliothek aufbewahrt wurden. Unter dem Titel «Die genuesische Politik in den Urkunden der päpstlichen Kurie vom 12. bis 15. Jahrhundert» leisteten beide Forscherinnen eine geradezu hyperkritische Arbeit. So wurden zum Beispiel sechs offensichtlich echte Originallitterae Alexanders III. in Zweifel gezogen. Leider wurde diese Untersuchung nicht beendet. Das einzige bekannte Werk zu diesem Thema ist ein Artikel Skržinskajas über eine Littera Urbans IV. von 1262 aus Likhatchevs Sammlung. Unter dem Titel «Eine neue Urkunde über die Beziehungen Urbans IV. zu Genua» wurde er 1926 für die Reihe «Quellen und Forschungen aus den italienischen Archiven und Bibliotheken» (Rom) geschrieben, jedoch nicht veröffentlicht.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Документы папской канцелярии, источниковедение, петербургская историческая школа, Н. П. Лихачев, О. А. Добиаш-Рождественская, Е. Ч. Скржинская.

KEY WORDS

Documents of Papal chancery, study of source-book, Petersburg's historical school, N. P. Likhachev, O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaja, H. Ch. Skrzinskaya.